Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»

Валдай | Международный дискуссионный клуб

Пространство без границ: Россия и её соседи

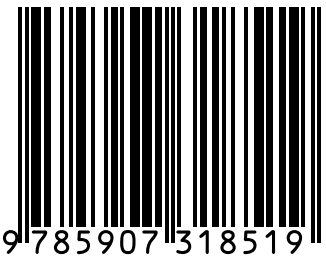
Тимофей Бордачёв

ru.valdaiclub.com
#valdaiclub

Декабрь 2021

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-51-9

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021

Российская Федерация, 127051, Москва,
улица Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторе

Тимофей Бордачёв
Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «Высшая школа экономики»

В ходе работы над докладом автор посетил в марте – сентябре 2021 года несколько столиц и городов стран бывшего СССР, чтобы лично побеседовать с интеллектуалами, политиками и общественными деятелями. Содержание бесед, а также результаты осмысления оценок и мнений, высказанных в почти пятидесяти глубинных интервью, использованы при подготовке текста.

Автор выражает благодарность за потраченное время и внимательное отношение к вопросам: ***Айтматову А.Ч.*** (министр иностранных дел Киргизской Республики (2002–2005)); ***Иманалиеву М.С.*** (министр иностранных дел Киргизской Республики (1997–2002), генеральный секретарь ШОС); ***Отунбаевой Р.И.*** (и.о. президента Киргизской Республики (2010–2011)); ***Сариеву Т.А.*** (председатель партии «Ак-Шумкар», бывший премьер-министр Киргизии (2015–2016)); ***Шеримкулову М.Ш.*** (председатель Верховного Совета Киргизии (1990–1993)); ***Джумагулову А.Д.*** (премьер-министр Киргизской Республики (1993–1998)); ***Манукяну В.М.*** (председатель общественно-политического клуба «Вернатун», премьер-министр Республики Армения (1990–1991)), министр обороны Республики Армения (1992–1993)); ***Ерканяну А.Л.*** (политический обозреватель телекомпании «ШАНТ»); ***Григоряну М.В.*** (директор Национального музея-института архитектуры им. Таманяна); ***Мурадяну Р***. (специалист по кибербезопасности); ***Искандаряну А.М.*** (директор Института Кавказа); ***Сафоеву С.С.*** (первый заместитель председателя Сената Узбекистана, министр иностранных дел Республики Узбекистан (2003–2005)); ***Тадевосяну А.В.*** (генеральный директор «Медиамакс»); ***Абдувахитову А.А.*** (советник президента Республики Узбекистан по вопросам молодёжи, науки, образования, здравоохранения, культуры и спорта, бывший заместитель министра иностранных дел Узбекистана (2018)); ***Неъматову И.Т.*** (заместитель председателя Исполнительного комитета – исполнительного секретаря СНГ, первый заместитель министра иностранных дел Республики Узбекистан (2018–2020)); ***Иргашеву И.Р.*** (специальный представитель президента Республики Узбекистан по Афганистану); ***Арипову Э.Т.*** (глава Института стратегических и межрегиональных исследований при президенте Республики Узбекистан); ***Насырову А.Д.*** (заместитель министра иностранных дел Республики Узбекистан, директор Международного института Центральной Азии); ***Хакимову О.А.*** (директор Центра экономических исследований и реформ при администрации президента Республики Узбекистан); ***Курбанову Д.Д.*** (директор Информационно-аналитического центра международных отношений при Министерстве иностранных дел Узбекистана); ***Абдуллаеву Ш.М.*** (директор Высшей школы дипломатии Университета мировой экономики и дипломатии МИД Республики Узбекистан); ***Махмудову Р.Б***. (старший преподаватель Университета мировой экономики и дипломатии); ***Карину Е.Т.*** (помощник президента Республики Казахстан); ***Ошакбаеву Р.С.*** (член Национального совета общественного доверия при президенте Республики Казахстан, директор центра *“TALAP”*, вице-министр по инвестициям и развитию Казахстана (2015–2016)); ***Ертысбаеву Е.К.*** (советник президента Республики Казахстан (1995–1998, 2002–2006, 2008–2013), Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан (2013–2017)); ***Кушербаеву К.Е.*** (государственный

секретарь Республики Казахстан, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан); ***Нурше А.К.*** (управляющий директор *"Enactus"*, Алматы); ***Шибутову М.М.*** (член Национального совета общественного доверия при президенте Республики Казахстан); ***Каукенову А.С.*** (директор Центра китайских исследований *"China Center"*); ***Мамедову Ф.М.*** (директор ЦСИ при президенте Азербайджанской Республики (2012–2019)); ***Холикназару Х.Х.*** (директор Центра по изучению Центральной Азии и Китая в Таджикистане, министр иностранных дел Республики Таджикистан (1992)); ***Мусабекову Р.Н.*** (депутат Милли Меджлиса, спецпредставитель президента Азербайджана в 1991 году в переговорах по Карабаху); ***Шафиеву Ф.Р.*** (председатель правления Центра анализа международных отношений (ЦАМО), посол Азербайджана в Канаде (2009–2014)); ***Сеидову С.И.*** (депутат Милли Меджлиса, председатель комитета по межпарламентским и международным связям); ***Намазову Э.С.*** (руководитель общественного форума «Во имя Азербайджана», бывший помощник президента Азербайджанской Республики (1993–1999)); ***Гусейнову Р.Ш.*** (директор Центра им. Топчибашева, Азербайджанская Республика); ***Искендерову Э.Э.*** (посол по особым поручениям МИД Азербайджанской Республики); ***Велизаде И.М.*** (политолог, руководитель пресс-центра «Спутник – Азербайджан»); ***Погребинскому М.Б.*** (директор Киевского центра политических исследований и конфликтологии); ***Дзерманту А.В.*** (директор Центра изучения и развития континентальной интеграции «Северная Евразия»); ***Майтдиновой Г.М.*** (профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РТСУ, директор ЦГИ РТСУ); ***Олимову М.А.*** (директор Информационно-аналитического центра «Шарк»); ***Бабаханову У.М.*** (основатель и главный редактор «Азия-Плюс», Таджикистан); ***Латифову Д.Л.*** (профессор Таджикского национального университета, первый секретарь Центрального райкома КП Таджикистана (1975–1986)); ***Сафарову С.С.*** (экс-заместитель директора ЦСИ при президенте Республики Таджикистан); ***Искандарову К.И.*** (главный ученый секретарь НАНТ); ***Тимерханову Т.У.*** (журналист, блогер); ***Рахимову К.К.*** (исполнительный директор ОФ «Аппликата – центр стратегических решений»); ***Хасанову К.З.*** (лидер партии «Тынчтык», Киргизия), ***Шарашенидзе Т.Ю.*** (*Ph.D. in International Relations*, профессор, руководитель магистратуры по международным отношениям Грузинского института общественных дел *(GIPA)*).

Автор также выражает благодарность ***Быстрицкому А.Г.*** (председателю Совета Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай») и ***Лаврентьевой Н.В.*** (исполнительному директору Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай») за всеобъемлющую поддержку проекта; ***Лукьянову Ф.А.*** (директору по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай») за дружественную высокопрофессиональную редакторскую помощь при написании этого доклада; ***Красиковой Л.В.*** (стажеру-исследователю факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ) и ***Тюрниковой Е.В.*** (руководителю Центра Международного Сотрудничества Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай») за организационную поддержку.

Содержание

6 Источники и основа политики России

11 Баланс сил российского соседства

16 Геополитика российского соседства

- Казахстан
- Узбекистан
- Киргизия
- Таджикистан
- Украина
- Белоруссия
- Армения, Азербайджан, Грузия

27 Общий исторический опыт и международный порядок

- Евразийская интеграция
- Борьба за умы и сердца
- Не мать и не мачеха

Политика России в отношении соседей определяется взаимодействием трёх факторов: **традиционного силового компонента, наличия единого геополитического пространства и общего исторического опыта**. Природа международной политики предполагает, что ключевым обстоятельством является соотношение сил, но в рассматриваемом случае не менее важную роль играют особенности географической среды и связи, возникшие за несколько столетий[1]. Россия была и останется доминирующей державой так называемого постсоветского пространства, потому что обладает самым большим населением, одной из лучших в мире армий и крупнейшими арсеналами ядерного оружия, сопоставимыми только с американскими. Однако ей всегда придётся учитывать, что топография не позволяет провести с соседями чёткие разграничительные линии, а принимаемые решения зависят от общего исторического опыта.

Поэтому военно-политическое могущество России не является ни гарантией её уверенного контроля над соседями, ни возможностью от них отгородиться. Решением многих проблем было бы возвращение к какой-то форме прямого управления из Москвы частью бывших союзных республик. Но это потребует напряжения сил, в долгосрочной перспективе рокового для российской экономики и государственности. Отгораживание от соседей предполагает выработку оборонительной стратегии на рубежах, близких к важнейшим центрам основной территории России. Военное доминирование создаёт возможность выстраивать отношения, благоприятные для устойчивого, но не имперского международного порядка вокруг России. Иными словами, не рассчитанного на прямое управление соседями.

На большей части внешнего периметра Россия окружена государствами, которые не в состоянии решить вопросы собственного развития и безопасности с опорой только на внутренние ресурсы. Это делает Россию основным центром силы на этом пространстве, создаёт ожидания со стороны соседей и способствует вовлечению третьих держав. Однако последнее допустимо до тех пор, пока не ограничивает суверенитет стран-соседей.

Перед Москвой встаёт задача выработать такую форму взаимодействия с соседями, которая не потребует диктовать им правила внутренней жизни или определять их внешнюю политику, но позволит обеспечить безопасность России, а также относительно стабильный мир на её границах. Эта задача является объединяющей для стратегии Москвы в отношении всех стран-соседей вне зависимости от того, в какой части общего геополитического пространства они расположены. Идеальная цель российской политики – становление по её периметру цепи государств, которые смогут принимать самостоятельные внешнеполитические решения с учётом геополитических обстоятельств.

---

[1] Несмотря на то, что сложно найти сходство между, например, Эстонией и Киргизией, все три отмеченных выше фактора определяют их общность с точки зрения российской политики.

Источники и основа политики России

Всеобщий кризис, сопутствующий формированию нового международного порядка, заставляет обращаться к базовым категориям, которые определяют природу поведения государств. Только так можно уйти от естественного стремления понимать политику на основе накопленного опыта и, соответственно, продолжать движение по заданному пути. Подобный подход ведёт к подмене целей, связанных с развитием государства, задачами, которые воспроизводят шаблоны собственного или чужого исторического опыта.

Государство, даже такое большое, обеспеченное ресурсами и могущественное, как Россия, не может позволить себе бесконечное повторение пройденного. Это противоречит российскому внутреннему развитию, а также изменениям, которые переживают страны-соседи. Тем более что их отношения с Россией гораздо меньше поддаются анализу с точки зрения теоретических схем, наиболее распространённых в науке о международных отношениях, чем, например, взаимодействие России с Европой, США или Китаем. **Россию и страны бывшего СССР связывают общее геополитическое пространство и общий исторический опыт, влияющие на любые теоретические выкладки.**

Большинство устоявшихся норм и привычек неизбежно уводят в прошлое. Но сейчас всё меняется намного кардинальнее, чем когда-либо на нашей памяти. Жертвами изменений становятся международные институты, правила и обычаи, возникшие в XX веке как результат уникального распределения сил на мировой арене. Ведущие державы на деле спокойно относятся к деградации институтов. Хотя последние обеспечивали функционирование международного порядка со времени Второй мировой войны, а их упадок порождает ощущение нарастающего хаоса.

Прошедшие сто лет были благоприятны для возникновения и развития малых и средних держав. Но новый миропорядок едва ли окажется комфортным для тех, кто не может рассчитывать только на собственные силы. Изменения в мировой экономике и политике гарантируют выживание только сильнейшим. Все государства – соседи России, возникшие после распада СССР, вынуждены делать ставку на то, что крупные державы будут заинтересованы в их сохранении. В первую очередь как ресурса своей дипломатии. Но сейчас заинтересованность снижается, падает и значение

международных институтов, где малые и средние страны нужны для формирования коалиций. Это объективный признак нового этапа международной политики. Россия и её соседи должны научиться жить в мире, неблагоприятном для стабильного развития малых и средних держав.

Любой международный порядок, возникающий в процессе перераспределения сил, будет основан на ряде неизменных факторов, важнейшие из которых – история и география. Насколько бы великим и могущественным ни стал Китай, он будет окружён со всех сторон, кроме севера, малыми и средними странами, испытывающими к нему сформированное веками недоверие. Какими впечатляющими ни казались бы экономический прогресс и демографические показатели Индии, она всегда останется полуостровом, который легко отделить от континента враждебными державами или природными препятствиями. Как ни скукожилось бы значение Европы в международной политике, её центральное положение и удобство небольших расстояний останутся определяющими факторами сравнительного успеха и привлекательности. США сохранят «островное» положение в международной политике, каким бы ни стало соотношение сил между ними и Китаем, как бы ни развивалось американское общество. Это всегда будет позволять Соединённым Штатам не рассматривать ни один региональный вызов как непосредственную угрозу своей безопасности. Россия, вне зависимости от того, как менялись её силовые возможности, сохранила геополитическое присутствие на большей части Евразии – от Балтики до Тихого океана. По этой причине она вынуждена обращать внимание на несколько региональных направлений сразу и оказывать влияние на несколько не связанных между собой регионов.

Среди всех держав – продолжательниц великих европейских империй XIX века Россия занимает уникальное положение, поскольку окружена странами, возникшими на месте её прошлых имперских владений от Памира до Балтийского моря. Только на востоке Россия граничит с Китаем, который никогда не контролировала и который обходит её по всем показателям мощи современной державы, кроме военного. В отличие от Австрии или Турции Россия многократно превосходит соседей по масштабам и совокупным силовым возможностям, такое положение сохранится и в обозримом будущем.

Вопрос о государственной состоятельности остаётся открытым в ряде государств – соседей России даже через тридцать лет после обретения ими независимости. Масштаб их связей с Российской Федерацией не позволяет рассматривать состоятельность соседей вне темы отношений с ней. Для всех стран-соседей состояние России всегда остаётся определяющим для реализации их собственных стратегий развития.

Россия – главный фактор национальной безопасности для четырнадцати суверенных государств от Эстонии на западе до Киргизии на востоке. Развитие и внешнеполитическое поведение этих стран остаётся частью российской палитры безопасности и взаимодействия с другими крупными державами. Таким образом, Россия и её соседи являются единым целым и взаимодействуют между собой в более широком международном контексте. Признаки того и другого мы находим в отношениях России со всеми странами, возникшими тридцать лет назад на пространстве бывшего СССР.

География – константа внешней политики любого государства. Баланс сил определяет международный порядок, географическое положение указывает на возможности использования силы ради выживания, защиты национальных интересов и ценностей. В этом смысле географическое положение – базовый ресурс государства, опора в международной политике, а не «проклятие», как иногда приходится слышать. Россия в отношениях с соседями может использовать выгоды своего географического положения ради достижения целей собственной безопасности и развития.

История, исторические события и переживания – источник инерции, влияющей на действия государств. Общий исторический опыт России и соседей тесно связан с российской стратегической культурой. В первую очередь такой её чертой, как ярко выраженное этическое стремление защищать слабых. Это может происходить независимо от того, насколько российские представления о справедливости совпадают с представлениями тех, кого она стремится защитить. Александр I в ходе дискуссий на Венском конгрессе был уверен, что присоединение Польши к империи станет выполнением морального долга перед её населением.

Но в отличие от географии историю как предопределённость внешней политики прошлыми обстоятельствами и решениями можно преодолеть. Точнее, учитывая её уроки, избежать повторения «близко к тексту» решений, работавших в иные исторические периоды. И направить действия государства за пределами национальных границ по тому пути, который обеспечит его выживание в будущем. Любая успешная внешняя политика представляет собой пример переосмысления заданного пути на основе имеющихся ресурсов и ради укрепления государства.

И Россия, и её соседи только сейчас начинают создавать для себя новый исторический опыт. Происходящее с Россией важнее просто по причине её размера. В силу масштаба и непрерывной традиции мощной государственности на протяжении полутысячелетия она способна к рациональному поведению в предлагаемых условиях.

Что касается её соседей, то они (практически без исключений) только начинают осознавать себя в качестве суверенных государств, несущих ответственность за свою судьбу в заданных обстоятельствах. И здесь важна способность рационально соотносить собственное представление о себе с представлениями окружающих и реальностью – это залог выживания молодых государств и сохранения их суверенитета, в котором Россия заинтересована больше всех. Для них же это преодоление истории зависимого положения от России (или других великих держав) и отказ от поиска гарантий суверенитета не в себе, а в новой зависимости.

Распад СССР в 1991 году стал попыткой российского государства преодолеть историческую инерцию, освободив колоссальный внутренний потенциал. Его масштаб должен был не только компенсировать потери, но и вывести страну на новые позиции в международной политике. Однако как раз этот потенциал стал причиной того, что положение России в международной системе не изменилось. Даже отказавшись от владений в Восточной Европе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии, Россия осталась огромной континентальной державой, действующей в тех же условиях открытых пространств.

Создание Российской Федерации не повлияло на место страны в глобальной композиции сил. Силовые возможности и потенциал исключили вступление России в сообщество стран Запада на правах младшего партнёра по отношению к лидеру этого сообщества – США. России предстоит ещё не раз переосмысливать свою историю, но географию она должна использовать как источник и ресурс. Возвращение к имперскому порядку (прямое управление соседями) выглядит наиболее простым и надёжным решением. **И то, что России за тридцать лет удалось удержаться от соблазна восстановления имперского порядка, является достижением на пути преодоления зависимости от заданного пути и показателем взросления государства.**

Сейчас главными задачами России в отношении соседей становятся переоценка выгод России в её ближайшем окружении и обеспечение насущных национальных интересов и ценностей. Исторический опыт определяет рамки, которые должна преодолевать реальная политика, если она хочет быть направленной в будущее. Отрицание общего исторического опыта или попытка отделения от соседей, которая вступит в противоречие с географией, контрпродуктивны. Однако и продолжение традиционной политики возможно только в том случае, если цель имеет реваншистский характер. Другими словами, требовать от России выстраивать свою политику по отношению к соседям на основе исторически заданных рамок стоит исключительно в том случае, если задачей является возвращение к ранее

существовавшему формату взаимодействия. А именно: Москва управляет закрытым от внешнего мира имперским порядком, что подразумевает включение независимых сейчас государств в состав России. Это находится за пределами разумного и желательного, а значит – Москве нужно основывать свою политику не на исторических ожиданиях, а на современных представлениях о национальном интересе.

Открытость внешнему миру позволяет гораздо более гибко подходить к взаимодействию с соседями и вовлекать в решение задач российской внешней политики державы, которые находились за её исторически сформировавшимся периметром. Россия сегодня может позволить себе вдоль внешних границ политику без чёткого разделения между зонами интересов и российского присутствия. Пространство её непосредственного соседства не имеет значения само по себе – только в контексте более широких процессов и задач глобального характера. Было бы странно, если бы страна с масштабами и амбициями России позволила себе локализовать интересы в узко обозначенном географическом ареале. Зоны интересов предполагают эксклюзивность отношений, которую сложно представить в современном мире. Но от соседей требуется способность проводить «взрослую» внешнюю политику, основанную не на историческом опыте и мифах, а на оценке собственного положения.

Из-за своих геополитических особенностей Евразия не является регионом, где возможны разделительные линии. После холодной войны единственная попытка провести такую линию по политическим критериям была предпринята Европейским союзом после его расширения в 2004 году. Она привела к фундаментальной деградации положения в области безопасности, в конечном итоге стала причиной кризиса всего европейского международного порядка.

Новая российская политика проявляется во всё более индивидуальном подходе к каждому соседу. В основе – уважение суверенитета и учёт значения, которое то или иное государство имеет для безопасности российской территории. Это позволяет использовать общее историческое наследие, не оставаясь его заложником, задействовать уникальное геополитическое положение России как державы, которая действует на нескольких театрах, обеспечивает собственную безопасность через гибкое взаимодействие с соседями.

Философия гибкого и открытого взаимодействия должна стать основой легитимного международного порядка по всему периметру российских границ. На интересующем нас пространстве Россия – держава, действия которой максимально определяются её силовыми возможностями, геополитическим положением и историческим опытом. Именно ей предстоит

нести особую ответственность за формирование такого порядка. Процесс не может быть простым и институционально упорядоченным, но именно он отвечает российским интересам.

Баланс сил российского соседства

С точки зрения международной силовой политики Россия больше всех заинтересована в сохранении и укреплении суверенитета стран, возникших после распада СССР. Ни одна из них потенциально не может представлять для России угрозу. А их способность к самостоятельному принятию рациональных внешнеполитических решений гарантирует то, что территория этих стран не будет использоваться враждебными или потенциально недружественными России крупными государствами. Причина конфликта между Россией и Украиной – неспособность украинского государства проводить такую политику и зависимость от центров сил, внешних по отношению к Евразии. Других объективных поводов для напряжённости между Россией и её соседями не существует. Наиболее вероятным основанием для осложнения отношений России с любым из государств по соседству является его военно-политическое сближение с Западом.

У России нет прямого соприкосновения с другими мировыми державами – за исключением Китая. Основания для возникновения буферной политики отсутствуют. Напомним, что перед Первой мировой войной Россия граничила на западе с Германской и Австро-Венгерской империями, на юге – с Османской и Британской, на востоке – с Китаем.

Европейский союз – один из создателей международного порядка, установившегося после холодной войны без российского участия и даже вопреки интересам Москвы. Но ЕС не является единым государством, и степень его контроля даже над присягнувшими ему на верность Украиной и Молдавией ограничена, если посмотреть на поведение этих двух стран. Китай пока не демонстрирует желания распространить свои силовые возможности на постсоветское пространство. Если китайское поведение изменится, то и России стоит скорректировать политику в регионе общего соседства (Центральная Азия).

Но пока силовое доминирование России на геополитически едином пространстве является абсолютным. Даже в период максимального сокращения российских силовых возможностей (1991–2004) Москва сохраняла

способность к интервенциям ради установления порядка в соседних государствах. Нет примеров того, чтобы кризисные ситуации в странах – соседях России решались посредством силового вмешательства третьих стран, ни в одном конфликте на постсоветском пространстве не присутствовали какие-либо миротворцы, помимо российских. Дискуссии о такой возможности, которые звучали применительно к Грузии и Украине, затухали в зародыше. Самыми большими достижениями геополитических оппонентов России стали Минская группа ОБСЕ по Нагорному Карабаху и Минский процесс урегулирования на востоке Украины. Даже успех Турции, оказавшей Азербайджану помощь в войне за возвращение утерянных в 1990-е годы территорий, заключался в содействии управлению действиями азербайджанских военных и предоставлении на коммерческой основе технических средств ведения боевых действий.

Страх, который испытывают перед Россией её соседи, имеет объективную природу, и мы не должны стремиться его преодолевать – можно только компенсировать неизбежные последствия. Это неизменно подтверждается в экспертных оценках – от Бишкека до Еревана и Киева. Таким образом, страх, связанный с российским могуществом, можно признать структурным фактором отношений. Тем более что все интересующие нас государства не сталкиваются на других направлениях с державами, сравнимыми с Россией по военным возможностям. В некоторых странах Центральной Азии, например, в Казахстане и Киргизии, присутствует страх в отношении Китая. Однако он не является структурным фактором именно в силу присутствия России, масштаб и возможности которой остаются преобладающими. Потенциальная китайская угроза меркнет по сравнению с опасениями по поводу действий Москвы.

Сама Россия также испытывает опасения и подозрительность из-за возможного использования территории стран-соседей державами, которые представляют для неё реальную или потенциальную угрозу. В двух случаях – Грузия и Украина – геополитические противники России получили возможность присутствия и создали положение, представляющее угрозу базовым российским интересам и ценностям. Программные документы российской внешней политики последовательно указывают, что использование территорий стран-соседей как плацдармов против России является «красной линией».

Источник страха России – не страны-соседи как таковые, а последствия их действий. Ответом на неприемлемые для России действия, которые соседи предпринимают при поощрении внешних патронов, становится ещё большее ограничение суверенных прав соседей. В том числе вследствие утери части территории, как это произошло с Грузией, Молдавией или Украиной.

У соседей России страх имеет более экзистенциальную природу и связан с опасениями за сохранение своего государства как такового или в существующих границах. Как мы видим на примерах, Россия готова к ограничительным решениям в ситуациях, когда поведение соседа противоречит её базовым интересам и перестаёт быть рациональным с точки зрения его собственного геополитического положения.

Другое важное последствие российского силового доминирования – сохранение во внешней политике Москвы этического фактора по отношению к странам, которые слабее России и не являются для неё враждебными. Запрос на наличие моральной мотивации, обязательств связан с уникальным силовым и геополитическим положением России, которое снижает остроту материального вопроса. Российская внешняя политика вообще устойчива к материальным соображениям – вопросы безопасности, престижа или этики доминируют над расчётом и выгодой.

В силу колоссальных размеров, обеспеченности природными ресурсами и структуры внешнеэкономических связей Россия меньше других глобальных игроков (США, Китай, Европа) зависит от функционирования международного порядка и собственной способности на него влиять. Однако силовое преобладание России на пространстве бывшего СССР и его геополитическая целостность не означают, что отношения России и её соседей изолированы от более широкого контекста. Проблема «потери контроля» над периферией и «вытеснения» оттуда другими державами постоянно присутствует в российской дискуссии и служит одним из самых мощных раздражителей общественного мнения. Понятно, что взаимодействие сравнительно крупных держав со странами бывшего СССР, не говоря уже о таких игроках, как США или Китай, неизменно вызывает в России настороженную реакцию. Но необходимо проводить чёткую разграничительную линию между вероятным использованием территории стран-соседей враждебными России державами и взаимодействием соседей с государствами, которые не ставят таких целей или не имеют возможностей добиваться их осуществления.

Силовая структура международной политики по-прежнему определяется присутствием в ней нескольких ядерных держав, которые по своей силе недостижимым образом превосходят остальных. Также она включает феномен коллективных институтов Запада во главе с США, аккумулирующих наиболее значительную военную и экономическую мощь. Эти факторы привносят в мировые дела долю определённости.

Возвышение Китая привело к изменению традиционной силовой структуры мира, если оценивать её по совокупным (не исключительно военным) возможностям. Ресурсы КНР стали альтернативным источником

развития не только малых, но и средних держав. Отдельные из них, в частности – Пакистан или Иран, могут проявлять самостоятельность, опираясь на Китай. В целом относительное ослабление Запада и невозможность восстановления жёсткой биполярной системы ведут к большей гибкости внешнеполитических решений в первую очередь для средних держав. Так, Россия активно развивает отношения с Ираном, Турцией или Пакистаном, которые раньше были либо её идеологическими противниками, либо союзниками США. В результате взаимодействие России, её соседей и третьих держав среднего размера является не переходом этих стран из зоны влияния Москвы под покровительство других игроков, а вовлечением всех, включая Россию, в процессы формирования нового международного порядка.

Сама сущность так называемого постсоветского пространства как единого целого в международно-политическом отношении размывается, но не посредством его распада и включения составных частей в периферию других полюсов силы, а через формирование более широких сообществ. Во всех этих сообществах (за исключением западного направления) Россия остаётся самым мощным игроком. Это происходит даже тогда, когда в конфликт вступает влиятельная внешняя сила, например США и Запад на Украине в 2014-м или Турция на Южном Кавказе в 2020-м. В обоих случаях силовые возможности России являются определяющими для дальнейшего развития ситуации.

По мере того, как американо-китайские глобальные противоречия будут обостряться, малым и средним странам придётся искать не «третий путь», а возможность сочетать взаимодействия с каждым из безусловных глобальных лидеров. России стоит руководствоваться принципами открытости и не стремиться «привязать» соседей к себе в той сфере, где она не может предложить полного цикла услуг или технологий. Попытки создать нечто изолированное на геополитическом пространстве, где Россия доминирует в военно-политическом плане, не приведут ни к чему хорошему.

В условиях баланса сил доминирование России на постсоветском пространстве является данностью, которая каждый раз подкрепляется способностью применить силу. Это доминирование – основная причина заинтересованности Москвы в умении соседей быть самостоятельными при принятии внешнеполитических решений. **Россия должна преодолеть исторический опыт восприятия стран-соседей как зоны своего априорного влияния и проводить не политику опоры на свои уникальные силовые возможности для сохранения монополии, а политику использования этих возможностей для привлечения к себе.** Преимущество

России не в том, что страны-соседи никуда от неё не денутся, а в том, что в любой ситуации она окажется более действенной, чем конкуренты. У соседей не должно быть ни иллюзий, что Москва станет платить за лояльность, ни надежд, что объективной расстановкой сил на общем геополитическом пространстве можно пренебрегать. Это понимание должно стать самым надёжным способом преодолеть историческое восприятие России как метрополии, а не отдельной мощной, хотя и по определению дружественной державы.

Способность принимать суверенные решения означает вести себя не опираясь на исторический опыт, а исходя из рациональной оценки своего положения. Россия, в свою очередь, уже демонстрирует такую способность в глобальном масштабе, когда заботится о том, чтобы её конфликт с Западом не пересёк опасную черту военного столкновения.

Подводя итог оценке силовой композиции на пространстве бывшего СССР через тридцать лет после его распада, мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, Россия остаётся доминирующей державой, прямо или опосредованно распространяющей это доминирование за пределы интересующего нас пространства.

Во-вторых, силовые возможности России сохраняли своё центральное значение на всём протяжении рассматриваемого исторического периода, но выступали в разном качестве. На раннем этапе (1991–2008) они присутствовали «по умолчанию» и компенсировались неготовностью Москвы к активным действиям. Сейчас сформированы условия для более энергичного использования Россией объективных преимуществ, что отвечает запросу стран-соседей. «Россия должна действовать» – рефрен экспертных оценок политики Москвы на пространстве бывшего СССР.

В-третьих, наибольшую угрозу для выживания соседей будет представлять потеря ими возможностей самостоятельно принимать рациональные внешнеполитические решения. Россия не нацелена на восстановление имперского порядка, но ожидает от соседей поведения, отвечающего объективной расстановке сил.

В-четвёртых, вовлечение во взаимодействие России и её соседей третьих игроков, не располагающих возможностями угрожать ей или не ставящих это своей целью, является объективным процессом и содействует укреплению российских позиций.

Геополитика российского соседства

В Евразии нет естественных границ, которые позволили бы провести чёткие разделительные линии между зонами влияния отдельных могущественных государств. По сути, единственная естественная граница – река Амур. За ней начинается китайское цивилизационное пространство, самобытность которого не нуждается в политическом оправдании. Его существование подкрепляется силовым доминированием Китая к югу и востоку от его национальной территории.

Всё остальное – бескрайнее открытое пространство. На западе оно ограничено политически (зона политико-экономического доминирования евроатлантических институтов), на юге – открыто. Горы Кавказа не могут рассматриваться в качестве естественного барьера, поскольку у находящихся за ними постсоветских государств нет силовой альтернативы, кроме России. Даже такие активные державы, как Турция или Иран, несопоставимы с Россией в военном отношении. Соответственно, угроза с их стороны всегда может быть устранена российским вмешательством. Военный конфликт с Турцией не несёт России экзистенциальной угрозы.

Любые попытки обозначить в Евразии внутренние границы и сравнительно изолированные от остального мира зоны сотрудничества являются умозрительными. «Европа от Атлантики до Урала», «Европа от Атлантики до Владивостока», «Русский мир» или «Туран» – политические доктрины, не имеющие под собой чёткой географической основы. **Евразия – единая геополитическая общность, центром которой по причине своего масштаба и силовых возможностей является Россия.**

Геополитическое положение государств, возникших на месте СССР в 1991 году, не позволяет проводить изолированную внешнюю политику. Это в полной мере относится к России. Если мы понимаем географическое положение государства как базу, с которой оно действует во время войны, и стратегическую позицию в мирный период, то отсутствие естественных рубежей требует учитывать мнение соседей даже в том, что касается базовых вопросов национальной безопасности. Конечно, Россия как наиболее крупная держава в определённых ситуациях могла отделять свою безопасность от соседей, так происходило в 1990-е годы. Но и тогда Москве приходилось принимать активное участие в урегулировании конфликтов на периферии российского государства. Участие российских военных в урегулировании

внутренних кризисов (в частности, в Таджикистане) было связано с этим даже в наиболее сложные для самой России 1990-е годы.

Попытки распространить в Евразии системы коллективной безопасности, ориентированные на сдерживание России, неизбежно вызывали её сопротивление. Это происходило и тогда, когда сама Россия формально стремилась к сближению с НАТО и Европейским союзом. В 1990-е годы Москва, сделав политический выбор, пыталась добиться если не участия в западных институтах, то максимальной близости с ними. Но по геополитическим соображениям очень ревниво относилась к попыткам Запада проникнуть в страны-соседи.

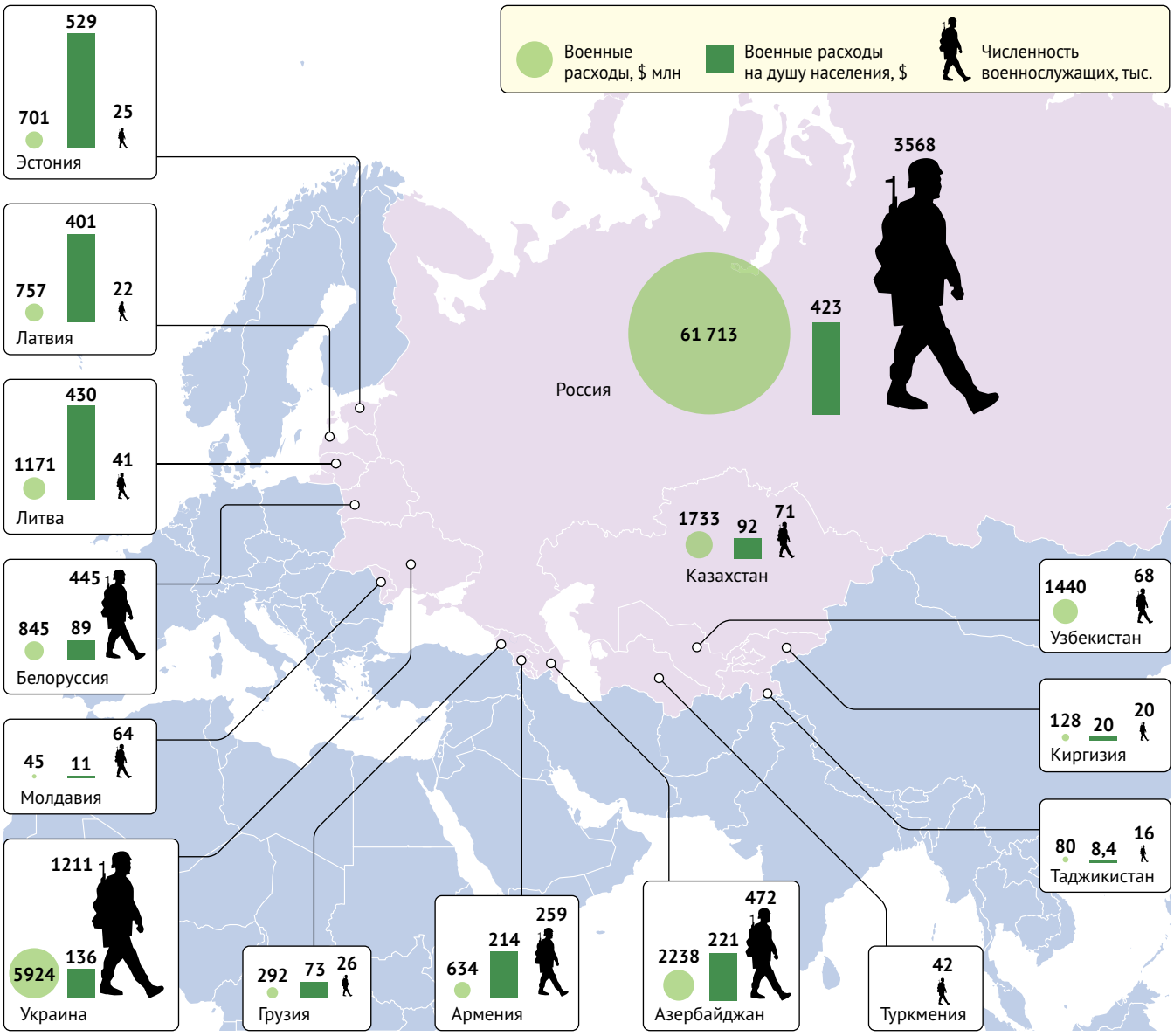
Исторически отсутствие внутренних границ в Евразии – результат экспансии российского государства. На пути развития оно преодолело Уральские горы и использовало несколько огромных сибирских рек в качестве важнейшей транспортной артерии. История и геополитика пересекаются и дополняют друг друга в Евразии. В силу исторических факторов российское культурное влияние является здесь наиболее значимым и сохраняется вне зависимости от масштабов присутствия собственно русского элемента в странах-соседях.

Благодаря геополитическому положению и субъективным военным и экономическим возможностям Россия занимает центральное место на евразийском пространстве от Атлантики до Тихого океана. Каждый из остальных крупных игроков может рассматриваться в качестве важного фактора лишь на одном из его направлений – европейском, ближневосточном или центральноазиатском. И только Россия присутствует везде. Соответственно, расширение или сужение возможностей России участвовать в событиях, происходящих в соседних странах, немедленно становится важнейшим фактором их внешней политики и даже развития.

Серьёзное ослабление способности России к использованию своего силового потенциала после 1991 года привело к тому, что большинство соседей не только были вынуждены искать альтернативные внешние ресурсы для выживания, но в ряде случаев могли сократить зависимость от своего огромного соседа в экономической и политической областях. Это коснулось всех стран – соседей России, хотя в разной степени.

Полный разрыв с бывшей метрополией не произошёл ни в одном из новых суверенных государств именно потому, что, даже когда сама Россия не уделяла своим соседям большого внимания, она оставалась центром гравитации. Проблема соседства с Россией для более слабых государств в том, что игнорировать её нельзя и тогда, когда она не может или не хочет

ВОЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЫВШЕГО СССР

Источники: SIPRI, IISS, ООН, Всемирный Банк

диктовать. За редкими исключениями (страны Балтии) слабость российского государства не привела к его исключению из алгоритма выработки и принятия важнейших решений.

В случае с прибалтийскими государствами это стало возможным потому, что они с самого начала были включены в силовую орбиту Запада и начали переход в институциональное и правовое пространство Западной Европы и США. Все попытки создать на окружающем Россию пространстве институциональные объединения без России или вопреки её интересам

и ожиданиям (например, Организация за демократию и экономическое развитие – ГУАМ) остались тактическими и безуспешными. Для каждого из участвовавших в них государств отношения с Россией были намного важнее любых других. Военно-политические конструкции в Восточной Европе, даже вне Европейского союза или НАТО, имели бы перспективу, потому что в гипотетическом противостоянии с Россией опирались бы на силы стран Западной Европы и США. В случае с пространством бывшего СССР за спинами стран-соседей не стоят державы, сопоставимые с Россией по силовым возможностям.

Для самой России её положение на карте всегда было и благом, и бременем. Благом, потому что позволяет относиться к любому географическому направлению с позиции выбора, а не необходимости. Бременем, поскольку постоянная возможность выбора не создаёт необходимости концентрироваться на одном из направлений, каким бы приоритетным оно ни выглядело. Постоянное формальное указание на пространство бывшего СССР как на высший приоритет российской внешней политики является исключением. Как декларативный подход воплощался на практике – вопрос дискуссионный. Но он отражает реальность. Даже когда Россия уделяла мало внимания своим соседям, формальный приоритет соответствовал её объективному положению, хотя на практические действия не было ни времени, ни административных возможностей.

После того, как в середине прошлого века Европа сама по себе перестала представлять угрозу для России, единственный источник озабоченности в области безопасности отодвинулся далеко за пределы российского соседства. Основные усилия российской дипломатии направлены на регулирование отношений с США и Европой, часто в ущерб вниманию к непосредственным соседям. Западоцентризм внешней политики Москвы имеет две причины: необходимость стать частью баланса сил, со стороны которых исторически исходила угроза, и важность ядерного фактора для выживания российского государства.

Ориентация России на более тесное взаимодействие с сообществом стран Запада в 1990-е годы преследовала цель занять там место, которое помогло бы полностью реализовать российский потенциал. Негативное воздействие такой стратегии на отношения с непосредственными соседями было очевидным – ни один из них не представлял собой важного партнёра в деле сближения с Западом. Более того, в рамках концепции, которую России предлагали партнёры в Европе, тесное взаимодействие со странами бывшего СССР могло быть только препятствием. Институты Запада по своему устройству ориентированы на разные формы отношений с отдельными странами, но не с сообществами. Более активные отношения России и стран бывшего СССР всегда воспринимались за Западе с подозрением, а с середины

1990-х годов стали вызывать противодействие. Создание ОДКБ, а затем Евразийского экономического союза становилось препятствием к интеграции их участников, включая Россию, с институтами Запада.

Таким образом, геополитическое положение России является наиболее разнообразным и потому самым сложным – она должна постоянно делать выбор между разными направлениями и никогда не может сосредоточиться ни на одном из них. На дальнем периметре Евразии (Западная Европа, опосредованно США, а также Китай и Индия) присутствуют державы, которые могут составить России глобальную силовую конкуренцию. По этой причине ей приходится сосредотачиваться на отношениях с ними в ущерб непосредственному соседству. Сами соседи России от такой необходимости избавлены географией, и Россия ожидает от них соответствующего внешнеполитического поведения.

Все государства, возникшие на пространстве бывшего СССР, имеют исключительно выгодное геополитическое положение.

Во-первых, их соседями являются либо страны более слабые или сопоставимые с ними по мощи, либо Россия – единственный могущественный игрок. Это положение комфортно тем, что не требует от небольших государств учитывать интересы двух или более сильных соседей, каждый из которых может их поглотить или представляет военную угрозу. Для всех соседей России определение стратегии выживания изначально упрощается необходимостью принимать в расчёт соображения безопасности только своего восточного и северного соседа.

Ряд стран Центральной Азии граничат с Китаем, но это соседство пока не требует учитывать соображения безопасности КНР в таком объёме, как российские. Нам известен лишь один случай, когда внешнеполитическое решение правительств Центральной Азии угрожало китайским интересам – размещение там баз США и союзников в начале 2000-х годов (с согласия России). Во всём остальном интересы Китая обеспечивались в рамках российского геополитического доминирования.

За тридцать лет мы не можем вспомнить случая, где жизненные интересы России и Китая вступали бы в противоречие. В 2013 году Китай предложил инициативу «Пояс и путь», участие в которой теоретически могло принести ряду стран постсоветского пространства дополнительные обязательства. Однако и тогда эти страны не столкнулись с оппозицией со стороны России, а в последние несколько лет Китай вообще ограничивает своё присутствие в Центральной Азии отдельными экономическими проектами. Во время интервью в разных столицах региона установлено, что китайский фактор не рассматривается в качестве альтернативы отношениям с Россией, тем более настолько серьёзной, чтобы предполагать выбор.

Для стран Закавказья важный фактор – соседство с Турцией и Ираном. Однако возможности этих двух стран несравнимы с возможностями России, поэтому у государств Южного Кавказа не возникает выбора между равновеликими соседями. Даже Украину и Белоруссию соседство с европейскими государствами второго ряда не приводит к дилеммам, с которыми исторически сталкивались, например, Польша или Бельгия. Последние окружены сильными странами, соперничающими друг с другом. В первом случае была (и сохраняется) «зажатость» между Россией и Германией, во втором – ещё более сложная композиция сразу трёх великих европейских держав – Великобритании, Германии и Франции.

Во-вторых, особенность геополитического положения соседей России в том, что ни одно из этих государств не может занимать рискованную позицию буфера, поскольку не расположено между Россией и державами, сопоставимыми с ней по силовым возможностям. Даже в отношении Украины, Белоруссии и стран Балтии нельзя рассчитывать на возникновение такого порядка. К Западу от них мы обнаруживаем не государства, сравнимые с Россией, а скопление незначительных в силовом отношении стран, каждая из которых сама является младшим участником какого-то международного сообщества.

Тем более нельзя отводить роль буферов странам Закавказья и Центральной Азии. За ними расположены державы, военные и экономические возможности которых никогда не будут сравнимы с российскими. Россия и Китай не нуждаются в странах-посредниках, они и так имеют продолжительную общую границу. Турция или Иран занимают определённое место во внешнеполитическом планировании соседей, иногда значительное, но не решающее. Единственное «буферное» государство российского соседства – это Монголия, и, весьма вероятно, благодаря этому она проводит рациональную внешнюю политику.

Фактор военной угрозы со стороны соседа совершенно не представлен в экспертных оценках коллег на постсоветском пространстве. Даже в случае с Арменией, для которой Турция – исторический враг, вероятность турецкой военной угрозы рассматривается как одна из мифологем национального нарратива. Тем более речь не может идти о внешней военной угрозе в случае с Украиной, Белоруссией или Молдавией.

В-третьих, все интересующие нас государства либо непосредственно граничат с Россией, единственным полюсом силы в своём окружении, либо расположены в рамках одного геополитического пространства. Это накладывает на Россию более серьёзные обязательства, чем она, возможно, хотела бы принимать. Так, США, например, географически удалены от зависящих от них стран Латинской Америки и граничат только с Мексикой, которую уже более ста лет фактически контролируют. Но даже в этом случае

американское правительство не может полностью отказать Мехико в экономической или силовой поддержке в случае возникновения там сложных ситуаций. Тем более России, которую от соседей не отделяют естественные преграды, всегда придётся оказывать им помощь.

В таком геополитическом положении попытки соседей России проводить многовекторную политику понятны, особенно в период ослабления «полюса силы», но создают угрозу выхода за рамки рационального поведения. В последнее десятилетие стремление правительств Украины, Армении и Белоруссии действовать многовекторно привело к острым кризисам. В других случаях, в Казахстане или Азербайджане, взаимодействие с внешними партнёрами было более успешным и обеспечило смягчение последствий полного геополитического преобладания России.

При этом каждое государство, находящееся на пространстве российского соседства, обладает собственным уникальным геополитическим положением, которое влияет на использование тех или иных возможностей. Важнейшие факторы – наличие границ с третьими державами, региональное окружение и удалённость от России как наиболее сильной страны на общем геополитическом пространстве. Соседство с Китаем и Турцией создаёт разные исходные условия, в том числе и для взаимодействия с Россией, а отсутствие прямой границы позволяет в меньшей степени зависеть от положения дел в России и динамики её внешнеполитических интересов.

Казахстан

Выгодное расположение Казахстана лежит в основе сравнительной удовлетворённости казахстанской элиты и интеллектуалов судьбой своего государства. Именно казахстанские эксперты в наибольшей степени уверены в России как гаранте суверенитета и способности противодействовать внешним вызовам и угрозам. Казахстан обладает относительно небольшим населением в 19 миллионов и расположен на огромной территории, которая примыкает к важнейшим российским регионам Западной Сибири. При этом за тридцать лет независимости благодаря политике Нурсултана Назарбаева, продолженной его преемником Касым-Жомартом Токаевым, Казахстан добился прогресса в создании современного государства. Сейчас Казахстан вступил в новый этап развития, и, как соглашаются эксперты, это может спровоцировать решения, не согласующиеся с рациональной оценкой геополитического положения страны.

Сама по себе возможность создать казахстанское государство – продукт уникального стечения геополитических и исторических обстоятельств: формирование в XX веке основы национальной элиты, отказ России в 1991

году от прямого контроля над Казахстаном и неспособность других крупных держав установить там контроль (по причине соседства России). Таким образом Казахстан смог преодолеть историю отношений с Россией по принципу «метрополия – периферия» и сохранить свою географию огромного государства с незначительным населением. Однако такое достижение не может пока рассматриваться как необратимое.

Геополитическое положение Казахстана позволяет сохранять близкие отношения с Россией, которая сама в них заинтересована, и с соседями с юга. Именно южное направление может быть для Казахстана наиболее рискованным, поскольку в южной части страны сосредоточена основная масса населения, а соседи, за исключением Узбекистана, не готовы обеспечить надёжное прикрытие от внешних угроз. Но ни один из соседей не располагает возможностями ограничить свободу реализации национальных приоритетов Казахстана – особенно после того, как Китай начал сворачивать присутствие в Центральной Азии.

Узбекистан

Ещё более благоприятное геополитическое положение занимает Узбекистан. Помимо прочего, он ещё и обладает населением в 33 миллиона. Здесь история и география сочетаются почти идеально – национальная государственность опирается на традицию феодальных образований, существовавших до вхождения территории в состав Российской империи в рамках независимого Бухарского эмирата в XVIII–XIX веках, а в рамках СССР была закреплена значительным трансфером образовательных и производственных мощностей. Узбекистан окружён меньшими по численности населения и, соответственно, военному потенциалу странами и не имеет прямой границы с Россией. Благодаря тому, что соседи у Узбекистана слабее, в регионе за тридцать лет не случалось серьёзных межгосударственных столкновений, хотя накопилось много нерешённых территориальных вопросов.

Единственное потенциально опасное направление – Афганистан, где проживает узбекское меньшинство. Однако Афганистан как государство не может выступать потенциальным агрессором, распространение революционной идеологии «из-за речки» вероятно только в случае, если этому будет благоприятствовать социально-экономическая ситуация в самом Узбекистане. Таким образом, задачей Ташкента является не подготовка к борьбе за выживание с могущественным внешним агрессором, а повышение качества управления внутри. Действовать, исходя из того, что при неблагоприятном развитии положения в Афганистане нестабильность неизбежно перекинется на Центральную Азию, – значит признавать несостоятельность государств региона.

Чтобы развиваться, Ташкенту достаточно надёжно контролировать границу с Афганистаном и гарантировать, что поведение Узбекистана не будет вызывать у России сомнений в необходимости оказания ему соответствующей помощи. По оценкам всех опрошенных экспертов, Афганистан – единственный внешнеполитический вопрос, который вызывает озабоченность. Географическая удалённость от России влияет на то, как здесь проявляется фактор страха перед её военным могуществом, – оно не угрожает территориальной целостности и суверенитету, но понимается как неизбежный ограничитель внешней политики.

Киргизия

Для народа Киргизии история всегда была опытом выживания в окружении более могущественных соседей. Однако ситуация радикально изменилась после появления в предгорьях Тянь-Шаня Российской империи. В её рамках, а затем в составе СССР, киргизский народ получил возможность создания территориальной государственности без угрозы быть поглощённым Китаем, как это произошло с уйгурами на территории Синьцзяна. Поэтому именно в Киргизии наблюдается наибольшая степень согласия представителей экспертного сообщества относительно того, что обретённая в 1991 году независимость стала вызовом для выживания.

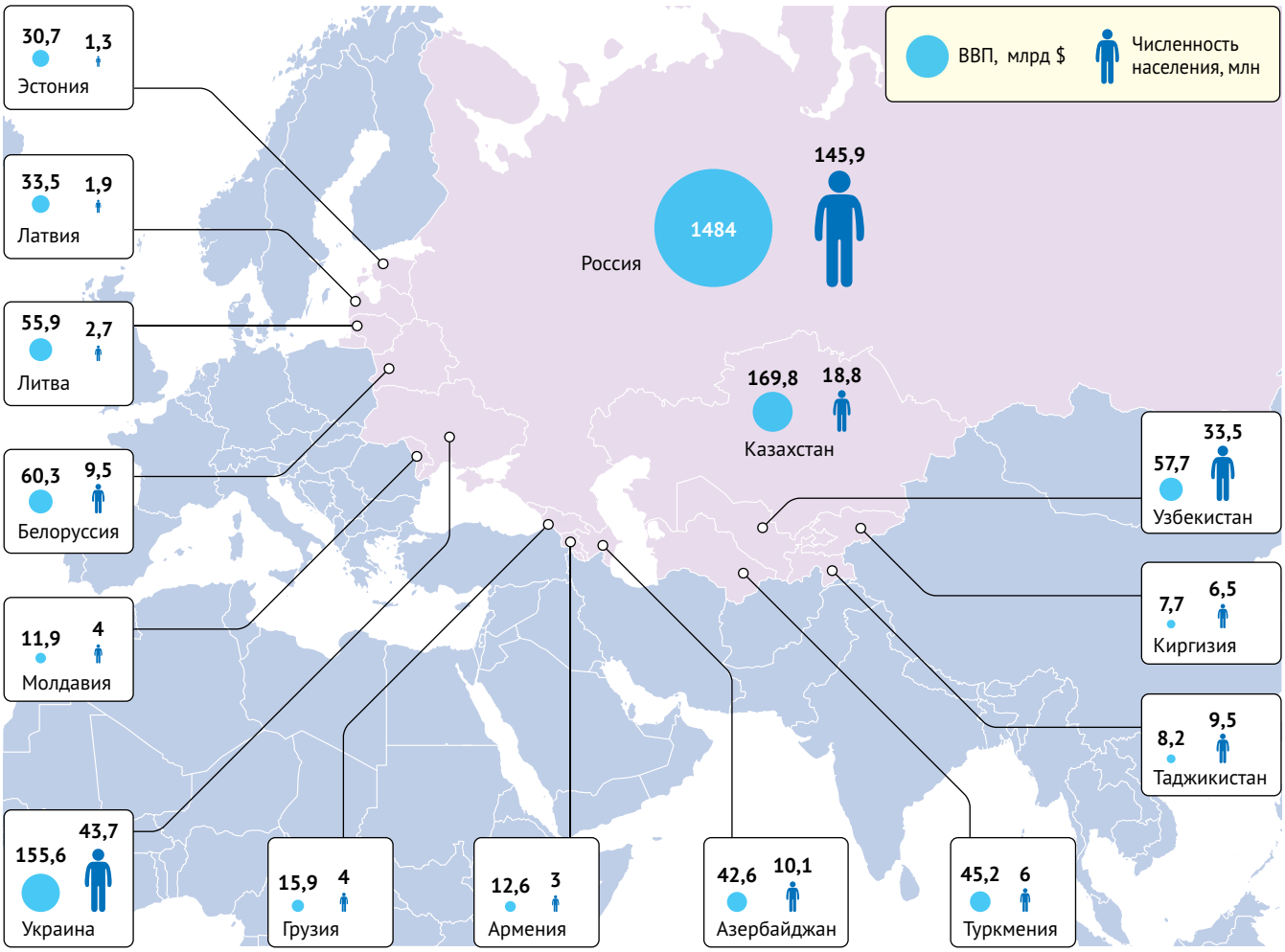
При этом Киргизия не имеет с Россией прямой границы, что является для республики проблемой. Тем более что именно она оказалась в 1990-е годы на периферии российского внимания. Только появление в 2001 году в Афганистане и Центральной Азии сил США и НАТО заставило Москву обратить внимание на Бишкек. С этого момента эксперты фиксируют начало «возвращения России», знаковым событием которого стало смещение в 2010 году с должности президента Курманбека Бакиева.

Таджикистан

Таджикистан – часть персидской цивилизации, помещённая в геополитическое пространство Евразии, он зажат между тюркоязычными соседями и нестабильным Афганистаном. Геополитическое положение Таджикистана сложное, но не трагичное. Соседство с Афганистаном и наиболее высокая вероятность проникновения в Таджикистан революционных исламистских идей заставляют Россию обращать на эту страну особое внимание.

Таджикистан меньше других стран Центральной Азии связан с остальным пространством Евразии. Из-за отсутствия в его окружении могущественных в военном и экономическом отношении держав силовая привязка к России преобладает над менее ярко выраженным геополитическим

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН БЫВШЕГО СССР

Источники: ООН, Всемирный Банк

фактором. Это определяет поведение Душанбе в отношении ситуации в Афганистане. Геополитически и цивилизационно страна имеет возможность движения в сторону родственной цивилизации к югу. Но остаётся в зоне военного доминирования России, и это заставляет выстраивать политику с опорой на силовые возможности Москвы.

Даже в 1990-е годы Россия уделяла повышенное внимание Таджикистану – давала приют представителям демократической оппозиции и активно содействовала процессу национального примирения. Тем более это актуально сейчас, когда к власти в Кабуле пришло радикальное движение «Талибан»[2]. Таджикистан тесно связан с Афганистаном, поскольку таджики составляют значительную часть населения страны. Именно поэтому

[2] Организация находится под санкциями ООН за террористическую деятельность.

официальный Душанбе меньше, чем Ташкент, готов к налаживанию диалога с «Талибаном» и создаёт условия для более масштабного российского присутствия на своей территории. В этом отношении Душанбе был в заведомо более выигрышном положении, чем Бишкек, во время возникшего в конце апреля 2021 года приграничного конфликта.

Украина

На западном направлении наиболее драматична судьба Украины. Нельзя быть уверенными, что страна сохранится в известных нам географических очертаниях. Причина – неспособность изменить исторически предопределённую роль арены борьбы между Россией и Европой, которая сводит на нет преимущества геополитического положения Украины.

С точки зрения геополитики, Украина изначально была одной из немногих постсоветских стран, предрасположенных к функции буферного государства. Однако препятствием оказался незначительный силовой потенциал Европы, которая опирается на США и зависит от них в военно-политической области. В результате вместо того, чтобы стать буфером между Россией и Европейским союзом, Украина осталась в геополитическом ареале России, но стала территорией, с которой проводится политика, враждебная российским интересам. Негативную роль сыграл и фактор общего исторического опыта.

Белоруссия

Белоруссия, как и Украина, могла бы занимать положение буфера в условиях субъектности Европейского союза на международной арене. Но слабость ЕС как партнёра привела к тому, что сохранение белорусской государственности под вопросом.

Перед Россией стоит проблема, как не поглотить Белоруссию и сохранить её в качестве самостоятельного соседа. Интеграция Белоруссии в европейский международный порядок, в центре которого находятся ЕС и НАТО, будет угрожать безопасности России. Поэтому здесь, как и в случае с Украиной, Россия сталкивается с тяжёлым выбором. С одной стороны, России выгодно сохранение суверенной государственности страны-соседа. С другой – невозможно обеспечить её дружественный характер.

Поглощение этих стран Россией, полностью или частично, может оказаться неизбежным решением, хотя и не отвечает долгосрочным российским интересам.

Армения, Азербайджан, Грузия

Геополитика трёх государств Закавказья в наибольшей степени благоприятствует развитию самостоятельности и ответственности за принимаемые решения. Они физически отделены от России Кавказским горным хребтом, но подпираются с юга обширной зоной цивилизаций, имеющих исторический опыт их поглощения. **Армения** не прошла за тридцать лет путь глубокой рефлексии собственного геополитического положения. Именно в этой связи армянская дискуссия в такой степени сосредоточена на мифах, имеющих историческое происхождение. **Азербайджан** также может оказаться склонен к нерациональным решениям, но его поведение более предсказуемо, поскольку, по крайней мере сейчас, он опирается на чёткое видение своего места на географической карте. **Грузия** сознательно отказалась от полного суверенитета в надежде стать частью евроатлантического сообщества, однако она может столкнуться с нарастающими проблемами из-за падения интереса Европы и США к экспансии.

Общий исторический опыт и международный порядок

История, как писал в одной из своих ранних работ Генри Киссинджер, – это память государств. За исключением Прибалтики, государственность всех республик бывшего СССР в её современных территориальных пределах сформировалась в рамках уникального союзного объединения, даже если их народы и имеют собственный опыт государственности, в отдельных случаях продолжительный, и богатую этническую историю. Россия выделяется тем, что обладает непрерывной историей государственности на протяжении пятисот лет, хотя и она испытала влияние советского периода. Поэтому исторический опыт развития в рамках единого государства ещё сыграет важную роль в формировании политики России и её соседей на протяжении продолжительного периода. Несколько грядущих десятилетий внешняя политика будет – в большей или меньшей степени – определяться прошлым.

Но именно поэтому **общий исторический опыт остаётся наиболее важным препятствием для формирования в России и странах-соседях внешней политики, отвечающей силовой композиции и неделимости геополитического пространства этой части Евразии**. На уровне стратегической культуры сохраняется общее политическое пространство СССР, с которым соотносят свои действия не только представители политических элит старшего поколения, но и более молодые государственные деятели. Значение этого фактора

настолько велико, что часто почти полностью нивелирует частные позитивные эффекты от близости культур и политических традиций. Этот опыт становится основой для мифологизированной внешней политики, исходящей не из объективных факторов, а из категорий за пределами рационального поведения. Результат – драматические последствия и избыточная напряжённость в отношениях.

Этап совместного развития в рамках СССР стал ключевым в плане обретения народами собственной национальной идентичности. Однако он не мог содействовать тому, чтобы народы приобрели опыт рациональных внешнеполитических решений на основе оценки своего геополитического положения. Но именно это становится в современных условиях важнейшим фактором выживания. Сокращение возможностей великих мировых держав распылять свои силы в рамках многочисленных обязательств – объективная тенденция современности.

Международная политика возвращается к традиционному порядку, основанному на динамичном балансе сил в крайне неблагоприятную для этого эпоху – всем странам приходится убеждать собственных граждан в справедливости существующего экономического и политического строя внутри. Сложно рассчитывать, что в таких условиях крупные внешние игроки смогут серьёзно содействовать решению внутренних проблем и внешнеполитических озабоченностей соседей России.

Хотя единый порядок невозможен, общие рамки отношений России и её соседей могут заключаться в едином понимании правил поведения, основанных на объективных факторах и учитывающих исторический опыт. Среди этих факторов неразрывность общего геополитического пространства, налагающая обязательства на Россию, и её силовое доминирование, требующее от соседей уважительного отношения к российским интересам и ценностям.

Элементы понимания правил зачастую являются продуктом индивидуальной воли лидеров. Когда лидеры не проявляют такой воли, даже объективные причины для понимания не срабатывают. И то, что принято называть «прагматизм», исчезает из отношений. Пример – Армения после 2018 года. Ереван остаётся одной из наиболее дружественных в отношении России стран, сохраняет с ней формальные союзнические отношения, но с трудом «считывает» российские интересы и логику действий. В случае с Азербайджаном или Казахстаном всё работает на уровне высших руководителей, но наблюдаются сбои на среднем уровне элиты. Прагматизм на постсоветском пространстве – синоним рационального поведения, но сейчас он имеет под собой индивидуализированную

основу, неустойчивую в долгосрочном плане. Лидерский прагматизм в отношениях должен смениться системным, хотя это вступает в противоречие с общими политическими порядками во всех обсуждаемых странах.

Источником системного прагматизма может быть только исторический опыт, накопление которого для стран – соседей России потребует ещё значительного времени. Важный вопрос российской стратегии – создание институтов, способных сократить это время при помощи правовых инструментов. Пока из общих институтов соотношение сил стран-участниц отражает только Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Евразийская интеграция

Евразийская экономическая интеграция стала попыткой создания дополнительных институциональных механизмов доверия между Россией и группой стран-соседей. Но политические возможности этого формата не надо переоценивать. В идеальных условиях любая экономическая интеграция является способом заменить силовые отношения между государствами новым юридическим контрактом. В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) изначально был заложен конфликт между масштабами России и формальным равенством стран в формировании общего законодательства. Причины этого конфликта понятны – мощь России настолько превосходит другие страны ЕАЭС, что говорить о равноправных отношениях, которые формально отражали бы разницу силовых потенциалов, невозможно.

Поэтому институты ЕАЭС основаны на абсолютном формальном равенстве стран-участниц, что снижает интерес к ним. Сложно убедить Россию соблюдать общие решения, которые были приняты на основе консенсуса, не отражающего её реальное положение в данном сообществе. Сейчас ЕАЭС может иметь лишь ограниченное применение как политический инструмент долгосрочной стабилизации отношений России и остальных стран-участниц. Максимум, на что можно рассчитывать, – постепенное формирование дополнительных возможностей для компаний стран-участниц в осуществлении трансграничной экономической деятельности.

Но самое важное – попытки создать на пространстве бывшего СССР устойчивый международный порядок, в том числе через общие институты, могут вступать в противоречие с глобальными целями и интересами России. В силу увеличивающейся самодостаточности российского

государства и сохранения им военных возможностей и прочих ресурсов, для него, как и для США или Китая, союзнические отношения с меньшими по масштабам странами не являются критически важными. Это сокращает естественный запрос на выстраивание долгосрочной интеграционной стратегии. Но гипотетически «эгоистическая» российская политика в любом случае окажется вынуждена учитывать факторы, которых нет у других сопоставимых с Россией по масштабам и возможностям (необратимое силовое доминирование России и сохранение общего исторического опыта).

Сохраняющийся пока исторический опыт отношений «метрополия – периферия» создаёт мотивы, которые противоречат объективным факторам геополитического и силового характера и должны быть преодолены. Его сохранение неизбежно приведёт к восстановлению прямого российского контроля – а это явно не то, что отвечает интересам самой России. Но, как мы видим, полностью перейти на позиции стороннего игрока Россия не может, да это вряд ли отвечает её долгосрочным интересам. Желательным ответом Москвы на рациональное поведение соседей является не дистанцирование с опорой на свои внутренние ресурсы, а самое широкое и многоформатное взаимодействие. Оно может осуществляться с участием внешних игроков, с разной степенью интенсивности или взаимных обязательств – значение имеют правила игры, а не её наполнение практическими шагами.

Борьба за умы и сердца

Насколько России необходимо популяризировать себя в глазах населения окружающих государств? Сама по себе концепция борьбы «за умы и сердца» представляется двусмысленной, поскольку основана на гипотезе, априори отрицающей за партнёрами способность к самостоятельному мышлению. Эта концепция стала продуктом второй половины XX века, когда европейские державы, СССР и США имели дело с взрывным ростом национального самоопределения. Процесс происходил в условиях жёсткого биполярного противостояния и идеологической борьбы между взаимоисключающими агрессивными идеологиями – марксизмом и либерализмом. Обе идеологии предполагали распространение универсальных ценностей и вступали в конфликт с правами суверенных государств. В рамках конкурентной борьбы между ведущими державами каждой было трудно смириться с тем, что новые независимые страны способны быть самостоятельными не только по форме, но и по умению мыслить не под внешним воздействием.

Влияние на общественное мнение, конечно, имеет большое значение. Тем более что массовая база политики пока едва ли будет сокращаться. За сто лет с начала эпохи, когда мнение масс действительно стало иметь значение, все государства пришли к единой форме взаимодействия с общественным мнением – создание стандарта и принуждение к тому, чтобы мнение граждан ему соответствовало. В международных отношениях психологическая война постепенно стала не только частью боевых действий во время конфликта, но и рутиной отношений между государствами, даже когда они сотрудничают.

Сейчас по определению предполагается: если Россия не влияет в свою пользу на общественное мнение соседей, это делают конкурирующие державы. Другими словами, призывы к Москве более активно бороться «за умы и сердца» граждан стран-соседей являются требованиями энергично вести психологическую борьбу на их территории с третьими странами. Однако, чем интенсивнее такая борьба, тем дальше отодвигается горизонт, за которым соседи России обретут способность к самостоятельному и рациональному мышлению. Их пространство превращается постепенно в территорию игры с нулевой суммой, не имеющую самостоятельного значения.

Учитывая, что, по нашему допущению, стратегическим приоритетом России является именно самостоятельность соседей, сама по себе борьба за их «умы и сердца» не может быть приоритетом российской политики. Это не отменяет необходимости, **во-первых**, повышать привлекательность России для исправления её демографической ситуации и, **во-вторых**, содействовать формированию у элит новых независимых государств способности принимать решения, руководствуясь собственным рациональным выбором, а не продиктованными извне представлениями. Данная задача гораздо более сложная, чем создание средствами государственной политики критической массы граждан соседних государств, позитивно настроенных к России. Но именно она может создать предпосылки для более устойчивой в стратегическом отношении ситуации.

Не мать и не мачеха

Чтобы быть успешной в долгосрочной перспективе, России потребуется постоянно пересматривать конкретные цели и задачи. Их содержание каждый раз будет зависеть от соображений более широкого характера – динамики баланса сил в глобальном масштабе или отношений со средними игроками (Европа, Турция, Иран), а также внутренней эволюции соседей.

Нет рецепта, который сделает действия России успешными при чисто административном управлении внешней политикой.

Разница силовых потенциалов на постсоветском пространстве и отсутствие у участников общих геополитических интересов не позволяют ожидать формирования регионального международного порядка. Каждое из государств будет решать важнейшие задачи развития в рамках не единой системы правил и обязательств, а двусторонних отношений с внешними партнёрами, среди которых Россия занимает центральное место. По сути, российский фактор – единственный системный на этом пространстве, остальные корректируют его воздействие. И на Россию ложится особая ответственность в отношении судьбы соседей, с которыми связана её собственная безопасность.

На первом месте среди российских задач сейчас – обеспечение способности соседей к самостоятельной внешней политике, развитие у них понимания, что это является условием их выживания. Сама Россия должна последовательно подтверждать способность защитить суверенитет и легитимный внутренний порядок стран-соседей. Это ярко проявляется в действиях России после вывода из Афганистана иностранных войск летом 2021 года. Россия соблюдает обязательства в отношении сохранения государственности граничащих с Афганистаном стран Центральной Азии и участников ОДКБ.

Стратегический приоритет России – содействие формированию у соседей устойчивой суверенной государственности, способной к внешней политике, которая отвечает геополитическому положению и балансу сил на общем пространстве. Для соседей Россия должна стать не матерью или мачехой, а наиболее сильным государством их ареала, которое несёт ответственность за безопасность на общем пространстве и интересы которого являются объективно доминирующими. Ответственность России за судьбу соседей – не продолжение исторически предопределённого пути, а рациональный выбор стратегии в существующих условиях.

ValdaiClubRu
valdaiclub
ValdaiClub
valdaiclubcom
@RuValdaitweets
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РСМД
Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ